

Но я больше не собирался позволять им смотреть на меня свысока.

Мне нечего было бояться, так почему я должен был колебаться? Мне больше не нужно было бороться за жизнь.

Если бы кто-то попытался меня убить, я был бы даже благодарен ему.

Для меня, у которого не осталось ни целей, ни амбиций, разве жизнь не была такой уж никчёмной?

— Вы, должно быть, только что приготовили это.

— Да, Сэр. После ваших предыдущих распоряжений я велел кухонному персоналу приготовить всё заново.

Похоже, предыдущий инцидент заставил Ренольда прийти в себя, поскольку его поведение по отношению ко мне было достойным восхищения.

Нет, это было вполне естественно. То, что я жил так бесцельно, было достаточным доказательством.

Кстати, я не приказывал им переделывать еду, так что, стали бы они подавать мне холодные закуски?

Я, конечно, уже знал ответ.

Еда, которую я бы съел, скорее всего, представляла собой холодные, несъедобные куски мяса.

Но на этот раз стейк разрезался с удивительной лёгкостью.

Когда я с довольным видом наслаждался едой, то почувствовал, что Ренольд украдкой наблюдает за мной.

...Что он такого сделал, что испортил мне аппетит? Я отложил вилку и искоса взглянул на него, заставив его открыть рот, как будто он только этого и ждал.

— Леди Юрия уже в пути. Вы... хотите продолжить?..

— Ну что ж...

Моя старшая сестра, которая унаследовала наш дом от отца.

В моей прошлой жизни именно она дала мне яд, за что я был ей весьма благодарен.

Насколько я помню, это был один из наименее болезненных способов моей смерти.

Но смог бы я вообще нормально проглотить свою еду, если бы увидел её лицо?

Как раз в тот момент, когда я собирался сказать, что увижусь с ней позже, дверь распахнулась, и Юрия быстрым шагом вошла внутрь.

Похоже, у обитателей этого дома есть привычка входить без разрешения.

Точнее, это было, вероятно, потому, что они смотрели на меня свысока.

Когда я слегка поморщился, до моих ушей донёлся леденящий душу голос:

— У тебя хороший цвет лица после вчерашнего трюка. Ты совсем перестал чувствовать угрызения совести?

— ...А что я вчера натворил?

Вчерашний «трюк» был ещё жив в моей памяти, но я притворился, что ничего не понимаю.

В конце концов, мои бесчисленные перевоплощения сделали подобные вещи бессмысленными.

В будущем ничего не изменится, независимо от того, знаю я об этом или нет.

Когда я переспросил, Юрия изобразила смущение и недоверчиво посмотрела на меня.

Возможно, она впервые увидела у меня такое выражение лица.

Возможно, это был первый раз, когда я не извинился, что, вероятно, было для неё непривычно.

В моей жизни всегда приходилось извиняться за поступки, о которых я даже не помнил, и брать на себя ответственность за то, в чём я не нуждался.

Но я больше не собирался так жить.

Тяжело ступая, она прошла мимо слуги и остановилась передо мной, взгляд Юрии был довольно свирепым.

В её голубых глазах, казалось, всегда были презрение и ненависть, готовые вот-вот выплеснуться наружу, поэтому мне было нелегко встретиться взглядом с Юрией.

Конечно, это было в прошлом. Хотя я и жил как негодяй, в моём нынешнем состоянии я не совершал серьёзных грехов.

Только мелкие проступки, заслуживающие в лучшем случае выговора — слишком незначительные, чтобы даже назвать их грехами.

Таким образом, я держался уверенно.

Всё ещё держа в руке нож для нарезки стейка, я встретился взглядом с Юрией, стоявшей передо мной.

— Неужели ты стал таким наглым, что даже не можешь извиниться? Насколько же неприглядным ты планируешь стать, Роберт Тейлор?

— У меня нет намерения становиться неприглядным. Я просто счёл уместным принести свои извинения непосредственно Герцогу.

— Хах, с каких это пор ты стал придавать такое значение этикету? Если ты считаешь это таким важным, то почему ты не...

— С сегодняшнего дня, — ответил я холодно, но спокойно. Я понял, что лучше вообще не испытывать никаких чувств к Юрии.

Я не испытывал к ней ни жалости, ни ненависти.

Ни страха, ни неприязни — просто полное отсутствие эмоций.

Для меня Юрия Тейлор была просто моей старшей сестрой и хозяйкой поместья. Ни больше, ни меньше.

Для неё не было ни возможности, ни места быть кем-то ещё. Мгновение Юрия непонимающе смотрела на меня.

Её обычно пронзительный взгляд, казалось, на мгновение затуманился, прежде чем вернуться к своему первоначальному сиянию.

— Я намерен так и поступить.

— ...Предполагаю, что твои чувства притупились из-за того, что ты так поздно заснул. Ты оскорбил и сделал выговор тому самому слуге, который посвятил себя тому, чтобы помогать тебе, — единственному, кто усердно трудится ради тебя.

Я же сомневался, что слуга, который врывается в комнату своего хозяина и подаёт холодные закуски, действительно прилежен.

Плечи Ренольда вздрогнули, когда наши взгляды встретились.

Так что, по крайней мере, остатки совести у него были. Но я не почувствовал веселья.

Было ясно, что Юрия не испытывает ко мне ни малейшего интереса как к личности.

Однако на этот раз я не мог вести себя так нагло, как раньше.

Если бы я привёл сюда слугу, то потерял бы единственную пешку, которую ещё мог использовать.

Вместо того чтобы вымещать свой гнев на мне, она могла бы наброситься на слугу и велеть ему уйти.

Тогда она, скорее всего, поручила бы кому-нибудь из своих людей следить за мной.

Я сталкивался с этим достаточно часто. Поэтому вместо того, чтобы возразить, глядя на свирепый взгляд Юрии, я вежливо склонил перед ней голову.

— Приношу свои извинения за причинённое беспокойство.

— Что?

— Мне следовало быть более внимательным к своим действиям, но я совершил ошибку, устроив беспорядки ранним утром. Я надеюсь, вы великодушно меня поймёте.

В моём голосе не было никаких интонаций.

Даже произнося эти слова, я понимал, что им не хватает искренности, но всё равно это не должны были быть искренние слова.

Я просто поклонился один раз, безмолвный жест, означающий, что всё кончено.

Почему это я извинялся за то, что отчитал её слугу?

Когда она непонимающе посмотрела на меня, я повернулся к ней спиной, добавив ещё одну фразу:

— ...Миледи.

В прошлом я, возможно, назвал бы её сестрой, что было бы фамильярностью.

Но такая близость нас больше не устраивала. Наши отношения уже стали слишком запутанными, чтобы их можно было распутать.

Юрия не остановила меня, когда я вышел из столовой, не доев свою еду.

Она только наблюдала за мной неуверенным взглядом, в то время как в моих шагах не было ни капли неуверенности.

<http://tl.rulate.ru/book/111405/4598139>